

ВАРИС ДИРИЕ КЭТЛИН МИЛЛЕР

РЕАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ
СУПЕРМОДЕЛИ
ВАРИС ДИРИЕ

Цветок пустыни

ВЫБОР AMAZON

Из сомалийской пустыни она добралась до мира
высокой моды. Она боролась с несправедливостью
и вышла из этой борьбы победительницей.

ЭЛТОН ДЖОН

Проект TRUESTORY. Книги, которые вдохновляют

Кэтлин Миллер

Цветок пустыни

«ЭКСМО»

1998

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

Миллер К.

Цветок пустыни / К. Миллер — «Эксмо», 1998 — (Проект TRUESTORY. Книги, которые вдохновляют)

Варис Дирие всемирно известная фотомодель, писательница и посол ООН. История ее жизни шокирует и восхищает одновременно. В возрасте 5 лет она подверглась процедуре обрезания – варварскому обычаю, существующему во многих африканских странах. А в 13 ее должны были выдать замуж за старика. Но Варис пошла наперекор воле отца и сбежала... Попад в Лондон, она прошла путь от уборщицы и нелегалки до модели высшего уровня и борца за права женщин. Это не просто биография успешной женщины. Это борьба с нелепыми и жестокими традициями за свою свободу и счастье.

УДК 821.111-94

ББК 84(4Вел)-44

© Миллер К., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Предисловие	6
Примечание авторов	8
1	9
2	13
3	19
4	25
5	29
6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Варис Дирие, Кэтлин Миллер

Цветок пустыни

Реальная история супермодели Варис Дирие

Waris Dirie with Cathleen Miller
DESERT FLOWER

Copyright © 1998 by Waris Dirie. All rights reserved.

Published by arrangement with William Morrow, an imprint of HarperCollins Publishers.

© 1998 by Waris Dirie. All rights reserved. Published by arrangement with William Morrow,
an imprint of HarperCollins Publishers

© Сашникова Ю., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Предисловие

Книга, которую вы держите в руках, подарит вам знакомство с одной из самых незаурядных женщин нашего времени. Узнав историю ее жизни, сложно поверить, что главная героиня – она же автор – выросла в кочевом африканском племени, а затем несколько лет прислуживала в доме более состоятельных родственников – сначала в Могадишо, столице Сомали, а потом и в Лондоне. Варис Дирие не получила никакого образования и с трудом читает и пишет даже на родном сомалийском языке. Английский она смогла начать учить только через пять лет после переезда в Лондон – в основном общаясь с такими же иммигрантами или британцами африканского происхождения. Но зато от природы Варис наделена живым умом, чувством юмора и смекалкой. Ее образованием стала жизнь в пустыне, и оно подарило ей вещи куда важнее – стойкость, терпение, настойчивость и философское отношение к любым житейским неурядицам. Именно эти качества помогли Варис так быстро освоиться в непривычной обстановке, добиться успеха и в то же время не потерять себя. Успех не вскружил ей голову, и она сохранила способность критически смотреть на мир, и в том числе на себя.

На страницах этой книги вы встретите откровенные описания быта кочевых племен, трезвый взгляд на жизнь англичан и американцев, а также на профессию фотомодели, которой Варис посвятила десять лет. Книга впервые увидела свет в 1998 году и заканчивается назначением Варис специальным послом ООН. Но с тех пор в ее жизни произошли еще куда более впечатляющие изменения.

После «Цветка пустыни» последовали еще три книги о жизни в Сомали – «Рассвет в пустыне», «Дети пустыни» и «Письмо матери». Книга, которую вы держите в руках, была экранизирована – фильм представили в 2009 году в рамках Венецианского кинофестиваля. Варис стала одним из продюсеров фильма, а главную роль сыграла Лия Кебеде, фотомодель родом из Эфиопии.

Закончив карьеру фотомодели, Варис более шести лет посвятила общественной деятельности в качестве специального посла ООН. Сейчас она – основательница двух фондов, Waris Dirie Foundation, который совместно с ООН работает над проблемой женского обрезания, и «Рассвет в пустыне», занимающегося развитием образования и здравоохранения в Сомали.

Ее благотворительная и просветительская деятельность отмечена на высоком международном уровне. В 2004 году она стала лауреатом премии «Женщины мира», одним из членов жюри которой является Михаил Горбачев. В следующем году она, мусульманка, удостоилась награды от Римско-католической церкви (Премии им. архиепископа Оскара Ромеро за деятельность по защите прав человека). А в 2007 году президент Франции Николя Саркози вручил Варис орден Почетного легиона. Согласитесь, такая невероятная история заслуживает быть прочитанной!

Маме

Я отлично знаю, что человек способен преодолеть любой ураган и бурю только благодаря силе своей воли. Вот почему я посвящаю эту книгу человеку, в чьей силе я никогда не сомневалась и всегда восхищалась, – моей маме, Фатуме Ахмед Аден.

Она смело смотрела в лицо любым трудностям и всегда была примером стойкости и непоколебимой веры для своих детей. Она всегда щедро одаривала своей любовью каждого из двенадцати детей (что уже подвиг) и делилась мудростью, которой не знали даже самые умудренные старцы.

Она часто жертвовала и редко жаловалась. Мы, дети, всегда знали, что она отдаст нам последнее, что имеет – а мы почти ничего не

имели. Ей знакома боль от смерти ребенка, но все же она не сломилась и сохранила силы, чтобы бороться за жизнь остальных детей. Ее внешняя и внутренняя красота, богатство души стали настоящей легендой.

Мама, знай, что я невероятно тебя люблю, уважаю и преклоняюсь. Благодарю Аллаха за то, что он подарил мне в матери именно тебя. Я ежедневно молюсь, чтобы он даровал мне столько же сил и мудрости, чтобы вырастить таким же достойным собственного ребенка.

Примечание авторов

«Цветок пустыни» – правдивая история жизни Варис Дирие. Все описанные события реальны и основаны на рассказах самой Варис. Все действующие лица реальны, но большинство из них появляются в этой книге под вымышленными именами из уважения к частной жизни.

1

Побег

Из сна меня выдернул какой-то странный звук – открыв глаза, я поняла, что лежу практически нос к носу со львом. Усталость и голод притупили чувство самосохранения, да и как бы я могла спастись? Бежать, карабкаться на дерево? На своих подгибающихся ногах я бы и подняться не успела, как мощная лапа сбила бы меня с ног. Я тяжело облокотилась на дерево, в тени которого отдыхала от полуденного зноя африканской пустыни, и закрыла глаза, ощущая лишь жесткую кору на своем затылке и дыхание льва.

«Вот и все, – подумала я. – Мой путь окончен. Аллах, я готова». Теплая волна спокойствия разлилась по моему телу – наконец я освобожусь. Я открыла глаза и посмотрела прямо ему в глаза:

– Ну же, давай. Подойди и убей меня.

Этот лев был великолепен – грациозный, гибкий, с золотой гривой. Настоящий царь зверей. Такие, как он, с лету сражают антилопу или зебру. Хватило бы одного удара мощной лапы, чтобы выбить всю жизнь из моего тщедушного тела.

– Давай, кусай!

Лев не отрывал от меня взгляда – как и я от него. Для меня в этот миг существовали только его черные широкие зрачки. Он жмурился, затем отводил взгляд, облизывался – но не подходил. В какой-то момент он стал кружить, видимо, хотел оценить привлекательность добычи. Наверное, я его разочаровала, потому что в итоге он развернулся и пошел прочь, в пустыню. Я не вздохнула от облегчения, когда он растворился в песках пустыни, – умереть мне действительно хотелось. Но у Аллаха были для меня другие планы.

Мое странствие началось в тринадцать лет – я сбежала от собственного отца и брака с незнакомым мне стариком. Я родилась в сомалийской пустыне в семье кочевников. О моем плане побега знала только мама, она же мне и помогла. Я думала сбежать в столицу Сомали, Могадишо, к маминой родной сестре. То, что я ни разу не видела ни тетю, ни столицу, ни вообще какой-либо другой город, меня не смущало. Я была ребенком и верила, что случится чудо и все сложится удачно.

К побегу я ничуть не приготовилась – просто однажды ночью меня разбудила мама и сказала: «Пора!» Так, укутанная в легкую накидку, без еды и воды, я убежала в ночную пустыню.

К побегу я ничуть не приготовилась – просто однажды ночью меня разбудила мама и сказала: «Пора!»

Я даже примерно не представляла, как мне добраться до Могадишо, поэтому просто неслась куда глаза глядят сквозь пустыню. Я бежала всю ночь и день, словно напуганная газель. Вокруг меня расстилались красные пески пустыни, изредка взгляд цеплялся за чахлые кусты акации или верблюжьих колючки. Постепенно мой бег перешел в неуверенные шаги – жажда и голод подточили мои силы. Вот и началась моя новая жизнь. Что же будет дальше?

Вдруг мне почудилось, что кто-то кричит мое имя: «Ва-а-а-ри-ис!» Крик повторился – отец! У меня была фора в несколько часов, как он умудрился меня найти? Только потом я поняла, что он просто следовал за следами моих ног на песке. Я была спокойна: я молодая и резвая, отцу ни за что не догнать меня. Тем более он уже почти старик (по крайней мере, мне тогда так казалось). На самом деле ему было чуть больше тридцати.

Вскоре я поняла, что крик отца больше не преследует меня, и решила немного замедлиться. «Главное, – думала я, – просто не останавливаться. Он же должен когда-то устать?» Вдруг я оглянулась и увидела отца совсем близко, за соседним холмом. Он тоже меня заметил,

и тогда я рванула что есть сил: быстрее, беги быстрее, Варис! Так мы и бежали, вверх-вниз по холмам, пока я не поняла, что уже очень давно не слышу окликов.

Мое сердце бешено стучало, словно все еще продолжало бежать по раскаленной пустыне. Отдышавшись, я спряталась за куст и прислушалась: тишина. Должно быть, отец потерял меня или решил, что гнаться за мной бесполезно, но я все равно продолжила идти. Теперь я была хитрее и старалась двигаться по каменистым участкам, чтобы не оставлять следов. На пустыню опускалась ночь, но отцу уже навряд ли удастся вернуться домой засветло – он, как и я, будет брести, ведомый звуками стада, смехом детей и перекрикиванием жителей племени.

Пройдя еще один скалистый участок, я решила, что пойду другой дорогой. Какая разница, в какую сторону идти, если не знаешь, где то, что тебе нужно? Я бежала прочь до самой темноты, до последнего луча солнца, скрывшегося за горизонтом. Обессиленная от голода, я рухнула отдохнуть под деревом.

Разбудило меня палящее обжигающее солнце. Только проведя свою первую ночь в пустыне, я поняла, что жизнь теперь моя не будет прежней – я осталась совсем одна.

Я скиталась по пустыне еще много дней. Останавливалась только ночью и в полуденный зной, когда двигаться было совсем невыносимо. Сколько – не знаю, я потеряла счет времени. Единственное, что я ощущала постоянно, – это невыносимый голод, жажду, страх и боль. Но больше всего мне не хватало мамы.

Мне уже ничего не хотелось – я оказалась не готова к свободе такой ценой. Мне не впервой было не есть и не пить несколько дней, но дольше я бы вряд ли протянула. Я ослабла и еле передвигала ноги, ступни потрескались, и каждый шаг причинял мне боль. Я сдалась. Лев казался мне избавлением от страданий. Но он не посчитал меня подходящей добычей. Не знаю, может, его отпугнули мои впалые ребра и щеки? А может, он почувствовал что-то и пожалел меня? А может, это было провидение. Не может же Аллах быть настолько жестоким, чтобы спасти меня ото льва лишь для того, чтобы позже я умерла от голода. Немного приободренная, я кое-как поднялась и побрела дальше.

И представляете, через несколько минут я набрела на пастбище верблюдов. Я отыскивала верблюдицу с молоком и жадно, словно грудной ребенок, прильнула к ее сосцам. Меня заметил пастух, но я была в таком отчаянии, что меня не пугали ни его брань, ни звуки хлыста. Я успела выпить все ее молоко, прежде чем он прибежал, а потом дала деру что есть силы. Пастух только пару раз задел меня хлыстом – я была моложе и куда проворнее него, поэтому вскоре его ругань осталась далеко-далеко за горизонтом.

Жирное молоко верблюдицы вернуло мне силы. Я бежала уверенно и быстро, пока не набрела на какое-то селение. Такого мне раньше видеть не доводилось: там были дома, целые ряды домов из плотно утрамбованной земли! Между домами была широкая улица – по ней я шла, вытаращив глаза и внимательно изучая все вокруг.

– Да что с тобой, ты разве не видишь, где идешь? – окрикнула меня местная женщина. – О Аллах, что с твоими ногами! Ты должно быть из кочевья. Сойди с дороги, если хочешь жить, уйди в сторонку!

Я не поняла, в чем дело, и продолжала идти посередине дороги с низко опущенной головой. Но потом меня чуть не сбил грузовик, и все прояснилось. Это была дорога для транспорта. Я шла лицом к автомобилям и заглядывала в глаза каждого водителя, поднимала руку и мысленно молилась, чтобы хоть кто-нибудь мне помог.

В итоге мне удалось остановить один грузовик, но сейчас, даже через столько лет, я очень жалею, что не поверила своей интуиции. Я не горжусь историей, о которой я расскажу вам дальше. Но что поделать, если это случилось?

Этот грузовик перевозил необработанные камни для строительства. В кабине было двое мужчин. Один из них открыл дверцу и по-сомалийски сказал мне:

– Запрыгивай!

Подсознательно я чувствовала, что добром все не кончится, но как отказать этим мужчинам, не понимала.

– Мне нужно в Мogaдишо. – Я чувствовала себя абсолютно беспомощной, а внутри все сжалось от необъяснимого страха.

– Я отвезу тебя куда угодно, милая, – ответил он, ухмыляясь рыжей улыбкой. Его зубы окрасил кат – наркотическое растение, широко распространенное в Африке. Я однажды видела, как отец жевал его. Женщинам строго запрещено его употреблять, и неудивительно: он делает человека очень агрессивным и возбужденным.

Подсознательно я чувствовала, что добром все не кончится, но как отказать этим мужчинам, не понимала. Мне велели полезть в кузов – это меня немного успокоило, ведь я буду далеко от водителя. Я устроилась в уголке на груде камней и укрылась – стемнело, и в пустыне стало прохладно.

Следующая картина – спутник водителя стоит около меня на коленях. Это был самый настоящий урод – дрожь пробирает, когда я вспоминаю его лицо и жуткий плотоядный взгляд. От такого чудовища сбежали даже волосы – у него была огромная проплешина. Половины зубов у него не было, а от остальных остались покрытые рыжим налетом пеньки. Все это обрамлялось маленькими мерзкими усиками.

К тому же он был очень полным – я поняла это, когда он спустил брюки. В возбуждении он приблизился ко мне и попытался развести мои ноги в стороны.

– Прошу вас, нет, нет!

Я намертво сжала ноги, будто они приклеились. Он стал со мной бороться – все было бесполезно, я не поддавалась. Тогда он размахнулся и со всей дури ударил меня по лицу. Ночной ветер далеко в пустыню разносил мои визги.

– ДА РАЗДВИНЬ НОГИ, СУЧКА!

Он завалился на меня всей своей огромной тушей и вновь ударил меня. Тогда я поняла, что нужно сменить стратегию – силой мне точно его не победить. Этот урод явно не в первый раз насиловал девушку и точно знал, что делать. Я притворилась, что согласна.

– Хорошо, ладно, – сказала я ему ласково. – Дай я только сначала схожу пописать.

Мои слова раззадорили его еще больше (конечно, девчонка сама согласилась!), поэтому он позволил мне отойти. Я забилась в самый дальний угол кузова, опустила на корточки и выиграла себе немного времени. Я знала, как поступлю. Я спрятала в кулаке самый большой камень, который смогла найти, и легла рядом с этим уродом.

Едва он взобрался на меня, я угостила его ударом в самый висок. Раз! В голове у него помутилось. Два! Он свалился с меня. В тот момент я чувствовала себя воином из древних легенд – казалось, я способна на все. Я еще раз ударила своего врага и заметила, что у него из уха течет кровь.

Оказалось, что за нами наблюдал его дружок из кабины.

– Твою мать, что ты делаешь! – заорал он и стал подыскивать место, где бы припарковаться.

«Если он меня схватит, мне конец», – промелькнуло в моей голове. Подождав, когда грузовик немного притормозит, я с ловкостью кошки прыгнула с кузова и помчалась что есть сил. Вслед мне доносился хриплый голос водителя: «Ты убила его! Убила моего друга!» Он гнался за мной сквозь колючий кустарник, но долго преследовать меня не смог – водитель был уже в летах.

Но он не сдался – вскочил обратно за руль и на всей скорости понесся сквозь пустыню. Я бежала в свете фар и буквально над ухом слышала мотор грузовика. Конечно, тот был быстрее. Мне удалось обмануть его, петляя зигзагами и меняя направление. Он потерял меня из виду и вернулся на дорогу.

Но я остановиться не могла. Страх не давал мне этого сделать, и я все бежала и бежала по пустыне, пока не наступил рассвет. Каким-то чудом я вновь оказалась на дороге. И хотя воспоминания прошлой ночи все еще заставляли меня дрожать, я понимала, что мне нужна машина. Нужно было убраться подальше от этого места.

Видок у меня был тот еще – вся пыльная, в лохмотьях, со спутанными волосами, руками-ветками и убитыми ступнями в язвах. Я подняла руку и остановила дорогой «Мерседес». За рулем сидел щеголеватый мужчина.

– Куда едешь?

– А вон туда, – сказала я, забираясь на роскошное кожаное сиденье и указывая пальцем на горизонт.

Мужчина обнажил великолепные белые зубы и расхохотался.

2

Детство пастушка

До побега вся моя жизнь была сконцентрирована на природе, семье и животных. Особенно на животных – кочевые народы связывают с ними особые крепкие узы, поскольку от них зависит жизнь. Как и любой другой ребенок, я с самого детства очень любила животных. Мое первое детское воспоминание связано с козленком Билли. Он был таким же малышом, как и я, поэтому, наверное, я так сильно привязалась именно к нему. Тайком я подкармливала его, а семья только разводила руками – и чего он такой жирный?

На самом деле в моей дружбе с Билли не было ничего необычного. В Сомали уважительное отношение к животным выработано тысячелетиями кочевой жизни нашего народа. С ними мы рождаемся, растем, голодаем и страдаем от жажды (или наоборот) и умираем. Жизнь семьи очень тесно связана с жизнью стада. Детей в Сомали приучают ухаживать за животными с малых лет, как только они начинают ходить без посторонней помощи. В нашем стаде были и козы, и коровы, и овцы, но, конечно, самыми главными животными всегда были верблюды.

Верблюд в Сомали – все равно что корова в Индии. Об этом животном слагают легенды, песни и сказания. Многие из них передаются из уст в уста уже очень много лет, чтобы сохранить для новых поколений эту связь, идущую из глубины веков. Мама часто напевала мне одну песню: «Мой верблюд попал в руки дурного человека, тот убьет его или уведет из стада. И вот я плачу и молюсь: люди, сжальтесь надо мной, верните мне верблюда». Каждый сомалиец с колыбели знает – верблюда нужно беречь как зеницу ока.

Жизнь человека в Сомали измеряется верблюдами. Выкуп за убийство – сто верблюдов. Если род убийцы не заплатит семье пострадавшего, на них ляжет страшная месть. Выкуп за невесту отдают тоже верблюдами. Верблюд заменяет нам все – валюту, транспорт, супермаркет.

Ни одно животное на свете не приспособлено так к жизни в пустыне, как верблюд. Он может не пить неделями и все равно продолжает давать молоко, чтобы человек мог утолить и жажду, и голод. Он может пережить самый невыносимый зной. Еще одно неоценимое качество верблюда – он ест колючки и не отбирает траву у другого скота.

По характеру верблюды очень напоминают лошадей – они так же глубоко привязываются к хозяину и будут делать для него то, что не сделают ни для какого постороннего человека. Многие пытаются укротить молодых верблюдов – приучают носить седло, ходить в караване. С ними нужно быть твердыми: нерешительного наездника верблюд тут же сбросит или даже лягнет.

Мы каждый день отвоевывали у пустыни жизнь и постоянно были в пути, нигде не задерживались дольше трех недель. Такую жизнь диктовала нам необходимость заботиться о скоте. Мы вечно искали новые пастбища и источники воды. Мы, кстати, по меркам Сомали, считались зажиточными – наша семья владела большим стадом разного скота. Братья пасли крупный скот, а я с сестрами, как велит традиция, присматривала за мелким. Жили мы в плетеной из травы хижине, которую возили за собой с места на место. Из веток мы делали каркас, потом мама плела циновки из травы и укладывала сверху – получался купол шириной примерно метра два. Когда наступало время сниматься со стоянки, шатер разбирался и укладывался вместе с другими пожитками на верблюдов.

Хижина защищала малышей от ночного холода и нас всех от полуденного зноя. Там же мы хранили свежее молоко. Ночью в шатре спали только младшие, дети постарше ночевали на циновках под открытым небом – одеял не хватало, и мы грелись друг об дружку. Отец, как главный защитник семьи, спал чуть поодаль от остальных.

Жизнь человека в Сомали измеряется верблюдами. Выкуп за убийство – сто верблюдов.

Вставали мы с первыми лучами солнца. Распорядок дня был всегда примерно одинаковый. Сначала нужно проверить загоны и подоить коз и коров. Доить нужно было так, чтобы хватило и нам, и детенышам – козлят и телят мы держали в разных загонах, чтобы они не высосали все молоко. Часть молока мы перерабатывали в масло.

После этого – завтрак из верблюжьего молока. Мы в основном питались им, потому что в нем содержится больше питательных веществ, например витамин С. В пустыне не дождешься разнообразного меню, овощи или зерновые там не вырастишь. Иногда нам везло, и мы натыкались на бородавочников (это дикие африканские свиньи), которые вынюхивали и вырывали съедобные корнеплоды. Удавалось поживиться и нам.

Мясо мы не ели, только в самых крайних случаях – убийство животного ради него считалось расточительством. Для поддержания жизни мы дважды в день питались верблюжьим молоком, на завтрак и на ужин. Иногда молока на всех не хватало. Тогда его распределяли от самых младших к старшим. Мама никогда ни капли в рот не брала, пока не убеждалась, что всем досталось. Иногда мне казалось, что она вообще никогда не ест, хотя такого, конечно, быть не могло.

Мы были терпеливы и уповали на волю Аллаха. Подумаешь, не поужинали сегодня, ну и что? Малыши иногда начинали хныкать, но дети постарше понимали больше и потому молча ложились вечером спать. Завтра будет новый день и новый шанс. Мы знали, что наша жизнь зависит от природы и не в наших силах ее изменить, только Аллаху это под силу. Иншалла (как угодно Аллаху) – вот наша философия.

Иногда отец привозил домой целый мешок риса (большая редкость!). Еще мы ели масло, кашу, если удавалось выменять зерно на козу. Если рядом на стоянке вдруг оказывались другие семьи, мы обязательно делились друг с другом – складывались поровну финиками, зерном, корнеплодами, мясом и все вместе готовили обед. Отчасти это было проявлением племенных чувств, отчасти это было продиктовано погодой – у нас же не было холодильников.

После завтрака наступало время для выгула скота. Я с шести лет в полном одиночестве водила на выпас в пустыню отару овец и стадо коз – около семидесяти голов. Это было несложно, животные охотно шли за мной. А на случай, если кто-то отобьется от стада, у меня была наготове длинная палка.

Выходить нужно было как можно раньше, чтобы найти хорошее место с водой и травой. Особенно важно побыстрее найти воду, пока до нее не добралось чужое стадо. Пустыня непредсказуема, следующий источник воды мог попасться на пути через неделю, а то и две. Поэтому я всегда ревностно следила, чтобы мои овечки и козочки напились вдоволь. В Сомали пастбища никому не принадлежат, поэтому я могла пасти свое стадо где угодно. Найти лучшее место мне помогали природные инстинкты – перед дождем обострялись все органы чувств настолько, что я могла предсказать его по особому запаху или дуновению ветра.

На пастбище приходилось внимательно следить за хищниками – около стада всегда выются гиены. Особенно я боялась львов и диких собак, потому что они охотятся стаями. Вернуться домой нужно было засветло, но я частенько ошибалась и гнала свое стадо обратно к стоянке в кромешной тьме. Вот здесь гиенам было раздолье – они нападали то с одной, то с другой стороны, и нередко им удавалось утащить пару козочек или овечек. В один из таких дней я потеряла своего Билли – гиены сожрали моего любимца.

Забота о стаде всегда была для нас самой важной задачей, и ни что – война, засуха, болезни – не могло нас от нее отвлечь. Крупные города Сомали то и дело беспокоили политические инциденты. Нас в основном это не касалось, до нашей глуши редко что-то доходило. Однажды мы все-таки столкнулись с солдатами, мне тогда было девять лет. Их лагерь был

совсем рядом с нашим. Их было очень много, казалось, что весь горизонт состоит только из палаток, грузовиков и людей в военной форме. Мы относились к ним с недоверием – даже до нас доходили рассказы, как они насилуют девушек, – и старались держаться от них подальше.

В сумерках было сложно бороться со сном и усталостью, глаза так и норовили закрыться. Вот тут-то со мной и случались всякие истории.

Мне они очень не понравились, и с первого взгляда я возненавидела их. Возможно, они защищали Сомали от внешних врагов, но сути это не меняло.

Вечером, когда стадо благополучно добиралось до дома, наступало время дойки. На шею верблюдам мы вешали деревянные колотушки – их глухой перестук в сумерках для кочевника слаще любой музыки. В это время небо над пустыней окончательно чернеет, и на нем всходит яркий свет планеты, возвещая, что пора запираť скот в загонах. Во всем мире эту планету называют Венера, но на моей родине это Макал Хидхид, «время прятать ягнят».

В сумерках было сложно бороться со сном и усталостью, глаза так и норовили закрыться. Вот тут-то со мной и случались всякие истории. Я засыпала на ходу и натыкалась на коз, дремала во время дойки коров, пытаясь урвать хоть минутку отдыха. Если попадешься за таким отцу – пиши пропало. Отец довольно суровый человек и в таких случаях любил поколотить меня, чтобы неповадно было.

Наконец, когда все заботы были позади, мы разводили большой костер, усаживались вокруг, болтали и ужинали верблюжьим молоком. Такие вечера – мои самые счастливые воспоминания о Сомали: мама и папа, братья и сестры, все рядышком, все сытые и веселые. Никто из нас не думал о смерти, не жаловался на тяжелую судьбу. Жизнь в пустыне требует много сил и энергии, зачем тратить их на уныние?

Хоть мы и кочевали, я никогда не чувствовала себя одинокой. Мне всегда было с кем поиграть, потому что детей в нашей семье было много. Я была средним ребенком: брат и две сестры были постарше и еще несколько младших ребят. Мы никогда не сидели на месте: играли в салочки, в крестики-нолики, лазили по деревьям, раскапывали красивые камешки или ямки для африканской игры «манкала». У нас даже был свой вариант игры в бабки, только вместо мяча-биты и металлических рюх мы использовали камни.

Но самым большим счастьем было чувствовать себя частью природы, наслаждаться запахами, видами и звуками. Мы наблюдали за семействами львов, нежащихся весь день на солнышке. Мы гонялись за жирафами, зебрами, лисами. Особенно мы любили даманов – это маленькие зверьки, дальние родственники слонов. К лесным районам мы приближались редко, но если такое случалось, мы обожали наблюдать за слонами – могли часами глазеть на них с деревьев.

Как-то раз я нашла страусиное яйцо и решила утащить его домой, чтобы посмотреть, как из него вылупится страусенок. Но в итоге мне пришлось удирать от его мамы. Поверьте, это было сложно – эти птицы развивают скорость до шестидесяти километров в час! Тогда мне и моей голове здорово досталось от страусихи.

Но со временем в наших днях было все меньше счастья. Старшая сестра убежала из дома, брата отправили учиться в город в школу. Наступила засуха, ухаживать за скотом становилось все труднее. Моя семья, да и вообще жизнь подкинули мне много поводов для печали.

Особенно тяжело было наблюдать, как на твоих глазах умирают твои братишки и сестренки. Тогда в нашей семье было двенадцать детей, а сейчас осталось только шестеро. Сначала сразу после родов умерли двойняшки, потом шестимесячная крепкая малышка. Однажды я увидела, как мама стоит перед ней на коленях – выглядела малышка как-то совсем не так.

– Варис, быстро принеси верблюжьего молока! Варис, что ты стоишь, беги!

Я же стояла как вкопанная и не могла пошевелиться, так мне было страшно. Наконец я смогла отвести взгляд от сестры и уйти за молоком, но в глубине души я понимала, что увижу по возвращении.

Так оно и оказалось. Когда я вернулась, малышка уже лежала без движения. Я снова на нее посмотрела и схватила пощечину от мамы. Она долго еще винила меня в ее смерти – думала, что во мне есть какая-то колдовская сила, которая навлекла на нее беду.

Но у меня ничего подобного не было, в отличие от одного из младших братьев. Он был очень необычным ребенком. Мы называли его Стариком, потому что, когда ему было шесть, он поседел. Старик был невероятно умен, к нам стекались люди со всей округи, чтобы попросить у него совета. Помню, сажали его по очереди к себе на колени и спрашивали: «Ну что, Старик, как по-твоему, будут дожди в этом году?»

Он правда никогда не дурачился и не вел себя как ребенок. Во всех его действиях чувствовались мудрость и степенность старика. Старик умер совсем мальчишкой. Никто не понимал, почему это случилось, но все видели в этом глубокий скрытый смысл – он же не от мира сего, по-другому и быть не могло.

Мы, как и любая другая семья, были разными. Я, например, с детства слыла бунтовщицей за поступки, которые старшим (а особенно отцу) казались непозволительными. Как-то я с младшим братом Али сидела под деревом и ужинала белым рисом с верблюжьим молоком. Али быстро справился со своей порцией, я же смаковала каждую ложку – рис мы видели не часто. В моей чашке осталось совсем чуть-чуть, и я мысленно приготовилась насладиться этой последней ложкой, как вдруг Али выхватил ее из моих рук и жадно осушил ее. Недолго думая, я отомстила ему, вонзив нож в бедро – он ответил мне тем же. Но наказание в итоге схлопотала я, так как мой удар был первым. Шрамы у нас с братом остались до сих пор.

Один из поступков, за который я прослыла бунтаркой, связан с моим страстным желанием иметь пару ботинок. Обувь и сейчас остается моей навязчивой идеей.

Один из поступков, за который я прослыла бунтаркой, связан с моим страстным желанием иметь пару ботинок. Обувь и сейчас остается моей навязчивой идеей – мой шкаф весь забит шпильками, сандалиями, кроссовками, мокасинами, сапогами. В нашей семье одежда была не у всех, а на обувь тем более денег не хватало. Ботинки были только у мамы. Как же я мечтала о таких же! Мои ноги были вечно в каких-то ссадинах, царапинах, синяках – некоторые следы остались у меня до сих пор. Однажды я наступила на острый шип, и он насквозь проткнул мне ногу. При этом с любой раной ты должен был исполнять свой долг и пасти скот – могу не могу, а что делать? Каждый день я представляла, как надеваю свои удобные ботиночки и гоню свое стадо на выпас. И мне не страшны ни колючки, ни змеи, ни скорпионы...

У отца было несколько братьев, один из них, дядя Ахмед, был очень зажиточным. Он жил в городе Галькайо, мы ухаживали за его верблюдами и стадом, а я лично пасла его коз. Однажды – мне тогда вроде было лет семь – дядя Ахмед приехал к нам в гости, и я прямо попросила его о подарке. Он рассмеялся и ответил, мол, ладно, будут тебе ботинки.

Через какое-то время отец повез меня повидаться с ним. Мне тогда не спалось, и вообще я жутко переживала, ведь сегодня наконец исполнится моя мечта!

Я чуть ли не с порога кинулась к дяде:

– Ну что, где мои ботинки?

– Вот они, держи, – ответил мне дядя и протянул сверток.

Я развернула его и не поверила своим глазам. Внутри были обычные желтые шлепки!

– И это, по-твоему, ботинки? – Я заревела и со всей силы швырнула подарком в дядю – он попал ему прямо в голову. Отец попытался сделать грозный вид, но ничего не вышло, смех оказался сильнее. Его буквально согнуло пополам от хохота.

Дядя был возмущен:

– И это так ты воспитываешь детей? Ты только посмотри на нее!

Я же была невероятно зла: в каком-то диком, даже истеричном приступе ярости я набросилась на дядю с кулаками и что есть силы колотила его.

– По-твоему, *этого* я заслуживаю за свою работу? Пары этих дрянных шлепанцев? Я сбила ноги в кровь, выгуливая твоих верблюдов, а ты, ты... Да я уж лучше буду ходить босиком, чем носить этот мусор!

Дядя лишь закатил глаза и пробормотал:

– О Аллах! Что с этой девчонкой? – Шлепанцы он увез с собой.

Но я просто так не сдаюсь. Каждого родственника, каждого знакомого и незнакомого, держащего путь в Галькайо, я просила передать дяде Ахмеду: «Варис нужны ботинки!» Увы, прежде чем моя детская мечта сбылась, я прошла тысячи миль босиком.

Расскажу еще одну историю из моего детства. Она случилась за много лет до этого случая с дядей Ахмедом. Я тогда была совсем малышкой, мне было около четырех лет. К нам как-то заехал в гости близкий друг моего отца, Гюбан. Он был частым гостем в нашей семье. Взрослые беседовали в сумерках, и мама заметила, что пора гнать скот обратно – всходит планета Макал Хидид. Гюбан предложил свою помощь и позвал меня с собой.

Как я была горда собой! Меня, девчонку, а не моих старших братьев, выбрали в помощники папиному другу. Взяв меня за руку, он повел меня к животным. Было уже темно, и мне было страшно, поэтому я старалась держаться к Гюбану поближе. В какой-то момент он вдруг расстелил на песке куртку и сел. Я удивилась: темно же, нужно побыстрее разобраться со стадом.

– Зачем ты сел? Уже темнеет, мы не успеем загнать скотину обратно.

– Мы все успеем, времени еще полно. Садись-ка лучше ко мне, – сказал он и похлопал по свободному месту рядом с собой.

Я неохотно подошла к нему. Но затем решила, что сейчас отличный момент, чтобы послушать сказку, и попросила об этом Гюбана.

– Тогда расскажешь мне сказку?

– Сядь рядом и расскажу.

Я согласилась, и тут же он попытался повалить меня на куртку рядом с собой.

– Нет! Я не хочу лежать, я хочу сказку послушать.

– Ну, хорошо, хорошо. Ложись, и я расскажу тебе сказку, какую только захочешь.

Я удобно вытянулась и зарылась ногами в песок. Небо над пустыней медленно превращалось из синего в чернильно-черное, ярко сиял Млечный Путь, вокруг с тихим блеянием бродили овцы и ягнята. И вдруг надо мной склонилось лицо Гюбана, и все исчезло – небо, Млечный Путь. Даже овцы как будто замолчали.

Он сорвал повязку с бедер, протиснулся между моих ног, и я почувствовала, как в меня упирается что-то очень твердое и мокрое. Я вся похолодела от страха: что происходило, я не понимала, но догадывалась, что все это очень, очень нехорошо. Он все давил и давил, пока я не почувствовала острую боль.

– Отпусти, я хочу к маме!

В следующий момент меня всю залила теплая, тошнотворно пахнущая жидкость.

Я в ужасе подскочила и схватила набедренную повязку, пытаясь оттереться от этой вонючей жидкости.

– Ты что? Ты пописал на меня?

– Нет-нет, все хорошо, не переживай. Я же просто хотел рассказать тебе сказку, – прошептал он и схватил меня за руку.

Я вырвалась и побежала домой – быстрее, к маме! Он гнался за мной, пытаясь остановить мой бег. Наконец я увидела стоящую у костра маму и бросилась к ней на колени.

– Варис, милая, что такое? – с тревогой спросила мама. – Гюбан, что с ней случилось?

– Да хотел ей сказку рассказать, а она испугалась и убежала, – ответил он беззаботно.

Я так хотела поделиться с ней, рассказать, что сделал этот папин друг. Но как объяснить то, чего не понимаешь? И я лишь крепче обняла маму. Лицо Гюбана ярко освещал огонь, на его улыбке плясали тени от костра – ненавистное мне лицо, которое я потом видела еще много раз.

– Варис, ну-ну, все хорошо. Не бойся, малышка, это ведь только сказка. Это все неправда. Гюбан, где же ягнята?

Он сорвал повязку с бедер, протиснулся между моих ног, и я почувствовала, как в меня упирается что-то очень твердое и мокрое.

3

Жизнь кочевников

В Европе людям очень важно чувствовать связь с прошлым, чувствовать себя наследником мыслей и дел прошлых поколений. В Африке все по-другому. В Сомали не было единой письменности до самого тысяча девятьсот семьдесят третьего года. Писать и читать никто не умел – наш народ передавал знания потомкам из уст в уста, через сказания и поэзию. Самые важные знания ребенок получал от своих родителей. Плести сосуды для молока из высушенной травы меня научила мама. А папа обучал уходу за животными – как правильно пасти скот, как за ним ухаживать. Жизнь в пустыне полна забот, у нас попросту не было времени болтать о прошлом. Вся наша жизнь сконцентрирована в моменте: будет ли нам чем ужинать сегодня? Не болен ли скот? Все ли дети вернулись вечером домой? Куда идти с караваном, чтобы найти воду?

Наш жизненный уклад ничуть не изменился за тысячелетия – мы жили ровно так, как жили до этого предки наших предков. Мы не знали, что такое электричество, телефон, автомобиль, и уж тем более ничего не слышали про телевидение или Интернет. Наш мир был закрыт от постороннего вмешательства, и это очень влияло на наше мироощущение.

Как и все в моей семье, я не знаю точно, сколько мне лет. У сомалийского ребенка не так много шансов дожить до года, поэтому никому даже в голову не приходит запомнить день его рождения. Мы в семье ничего не знали об общепринятых мерилках времени – календарях или часах. Мы ориентировались в мире по сезонам и движению солнца – очередность дождей подсказывала нам, когда пора менять стоянку, а положение солнца в небе определяло наш распорядок дня. Моя тень падает на запад – утро, а если тень подо мной – значит, сейчас день; а если она удлиняется, то пора бежать домой, иначе затемно не вернешься.

Мы никогда ничего не планировали – встал утром и подумал, что нужно сегодня сделать. В Нью-Йорке люди часто спрашивали меня что-то вроде: «Как насчет встретиться четырнадцатого? Ты не занята? Или, может, тогда пятнадцатого?» Сколько я ни старалась вести дела так же, у меня не получалось. Я просто не понимала, зачем так делать. Та же история у меня была с часами – я до сих пор их не ношу. На Западе все постоянно куда-то спешат. В Африке жизнь течет размеренно. Если ты договорился встретиться с кем-то в полдень, то, значит, раньше четырех-пяти к тебе никто не придет.

На Западе все постоянно куда-то спешат. В Африке жизнь течет размеренно. Если ты договорился встретиться с кем-то в полдень, то, значит, раньше четырех-пяти к тебе никто не придет.

В Сомали мне даже в голову не приходило строить планы на будущее или разговаривать о прошлом. Я никогда не спрашивала маму о ее детстве, о ее родителях. Я и сейчас мало что знаю об истории моей семьи, только теперь меня это очень сильно беспокоит.

Что я знаю точно о своей матери, так это то, что она невероятно красивая. Да, вы можете подумать, что я просто говорю то же, что и любые другие любящие дочери, но поверьте, она действительно обладала очень редкой красотой. Черты ее лица напоминали скульптуры Модильяни, а кожа ее была такой смуглой и гладкой, будто она выточена из черного мрамора. Зубы же, наоборот, были ослепительно белоснежными и всегда очень выделялись даже в кромешной темноте. Волосы были длинные и прямые, очень мягкие. Гребней у нас не было, поэтому она расчесывала их ладонью. Еще она была очень стройной и высокой – такую фигуру унаследовали все ее дочери.

Характер у нее очень спокойный, даже тихий. Но стоило ей заговорить с кем-нибудь, как она тут же начинала шутить и смеяться. Шутила она постоянно – большинство шуток были

очень смешные, некоторые были неприличными, а иногда она просто говорила какую-нибудь чушь, чтобы расшевелить нас. Больше всего она любила называть меня Авдохол (маленький рот): «Эй, Авдохол! А чего ротик-то у тебя такой маленький?»

Отец тоже был очень красив и всегда понимал это. Он был высокий, худощавый немного и чуть светлее мамы кожей и волосами. Чувствовал он себя очень уверенно и постоянно дразнил маму, мол, ему не составит труда найти себе жену, пусть поостережется. Она отвечала ему тем же. Родители искренне любили друг друга, но, к сожалению, в один день эти шуточки стали правдой.

Мама родилась в столице, в Могадिशе, а отец был потомственным кочевником. Она влюбилась в него с первого взгляда и решила, что скитаться по пустыне с таким красавчиком было бы очень романтично. Отец пошел просить разрешения на брак у бабушки (дедушки в тот момент уже не было в живых), но та ответила ему резким отказом. Она сочла отца гулякой и не могла позволить своей красавице дочке загубить свою жизнь, скитаясь с ним по пустыне. Мама ее не послушала и, когда ей исполнилось шестнадцать, сбежала из дома за отцом.

Жизнь в пустыне оказалась для мамы не такой романтической, как она думала. Мама выросла в богатой и знатной семье и не знала, что такое борьба за существование. Но еще хуже было то, что они с отцом принадлежали к разным племенам: он к дарудам, а мама к хавийе. Сомалийцы, как и индейцы, фанатично преданы своему племени – это и было основной причиной многочисленных войн.

Даруды и хавийе враждовали, и потому семья отца не приняла маму, считая, что ей далеко до добродетелей, которыми славится их племя. Мама чувствовала себя очень одинокой и несчастной – позже, когда я сама сбежала из дома, я поняла, каково ей было.

Рождение детей скрасило мамину жизнь и наполнило ее любовью, которую она не могла получить в племени отца. Но только сейчас я начала понимать, чего ей стоило выносить и родить двенадцать детей. Помню, что беременная мама уходила вдруг на пару дней, а потом возвращалась с младенчиком. Она рожала в одиночку в пустыне, а пуповину перерезала острым камнем. Как-то раз мы были вынуждены сняться со стоянки, пока она была в пустыне, и тогда она догоняла нас четыре дня. Шла с новорожденным на руках, высматривая в пустыне мужа.

Мне всегда казалось, что я была ее любимицей. Мы всегда очень хорошо друг друга чувствовали и понимали, и до сих пор я каждый день молю Аллаха позаботиться о маме, пока меня нет рядом. Я с раннего детства ходила за ней словно хвостик и всегда с нетерпением ждала вечера, когда смогу наконец побыть рядом с ней.

Мама учила меня плести корзины, и мы много часов провели бок о бок, пока она учила меня делать из них маленькие чашки для молока. Но мне было далеко до ее мастерства – у меня все получалось каким-то дырявым и клочковатым.

Каждый месяц мама куда-то уходила одна и возвращалась лишь к вечеру. Но где она была, неизвестно. Я попыталась разузнать, но мне лишь велено было не совать нос во взрослые дела. В Африке детям не положено знать многого, тем более про родительские дела. Но однажды я не смогла усмирить любопытство и тайком проследила за ней.

Мама встретила с пятью другими женщинами, они удобно устроились под красивым деревом, прячась от полуденной жары. Я видела, что они пьют чай и едят воздушную кукурузу, но о чем они разговаривали, я так никогда и не узнала. В какой-то момент мне надоело подглядывать за ними, и я решила показаться. Отчасти потому, что мне было интересно попробовать то, что они ели. Я робко приблизилась к маме.

– Ты тут откуда взялась?

– Шла за тобой.

– Ах, какая плохая девочка! Непослушная! – начала ругаться мама.

Но остальные женщины только посмеялись и начали подзывать меня к себе. В итоге воздушную кукурузу я попробовала.

В детстве и юности у меня не было возможности познакомиться со всем остальным миром. У нас не было книг, телевизора, туристических поездок, кино – я считала, что везде люди живут так же, как и мы. И я никогда не думала о том, что моя мама выросла в абсолютно другом мире. До 1960 года южные области Сомали были итальянской колонией, что очень сильно повлияло на культуру и образ жизни. Могадишо как раз лежал на юге, и там основным языком общения был итальянский. Мама умела на нем разговаривать, и иногда, когда очень сердилась, она раздражалась отборным потоком итальянских ругательств.

– Мамочка! А что ты такое говоришь?

– А, это по-итальянски.

– А что это такое, «итальянски»?

– Да ничего, не суй свой нос во что попало.

Позднее я поняла, что итальянский язык – это лишь одна из частей огромного мира, который находится за пределами нашей убогой хижины. Мы, дети, часто спрашивали маму, почему она сбежала с нашим отцом. Ведь ее братья и сестры жили за границей, были очень образованными и успешными. А она скиталась по стране.

На что мама всегда отвечала, что влюбилась и не могла поступить иначе. Мама – очень сильная женщина. На ее долю выпало много испытаний (и многим из них я была свидетельницей), но никогда я не слышала от нее жалоб и роптаний. Мама всегда стойко переносила тяготы и была тверда, словно железо. Я мечтаю быть хоть немного такой же стойкой, как она.

Наша семья вела типичную патриархальную жизнь – как и другие 60 процентов жителей Сомали, мы выращивали скот. Время от времени отец ездил в какую-нибудь деревню и продавал овцу или корову и взамен привозил нам какой-нибудь крупы, одежду, одеяла. Иногда он поручал продажу кому-нибудь из знакомых.

Еще одним источником дохода для нас был сбор ладана, того самого, о котором говорится в Библии. Запах ладана и сейчас не потерял своей ценности. Его добывают из дерева босвеллия, которое растет в горах на северо-востоке Сомали. Это дерево очень красивое и невысокое, всего лишь около полутора метров. Чтобы получить ладан, нужно легонько ударить топором по стволу и немного рассечь кору. В этом месте из дерева выделялся сок, который за день твердел и становился словно резина. Вот эту резину мы собирали и отдавали отцу на продажу. Мы иногда жгли его по вечерам на костре, и каждый раз запах ладана возвращает меня в то волшебное время.

У нас была большая семья, что тоже очень типично для Сомали. В среднем женщина рожала за свою жизнь семь детей. Дети – это что-то вроде пенсии для родителей, потому что должны обязательно заботиться о них, когда те состарятся. В Сомали очень уважают старшее поколение и всегда почтительно относятся к их авторитету. Вообще, нам положено уважать любого человека, старше нас по возрасту, даже братьев и сестер.

Позднее я поняла, что итальянский язык – это лишь одна из частей огромного мира, который находится за пределами нашей убогой хижины.

В Сомали заводят столько детей вовсе не по глупости, наоборот – это своего рода стратегический шаг. Так заботы будут распределяться между большим количеством людей, а значит, всем будет намного легче. Вот, например, вода. В пустыне, как известно, ее очень сложно найти. Эта задача всегда была на папе – он грузил верблюдов огромными плетеными бурдюками и отправлялся на поиски. Ожидая отца, мы старались оставаться на том же месте, но иногда это было очень сложно, потому что поиски воды для скота могли завести нас очень далеко. Но куда бы мы ни ушли, он всегда с легкостью находил нас – без дорог, карт или указателей.

Когда отец отправлялся за продуктами в деревню, задача по поиску воды перекладывалась на одного из детей – мама уйти не могла, потому что она следила за хозяйством.

Пару раз на поиски воды отправляли меня. Бывало, что в один конец я шла не день и не два – без воды возвращаться домой было бы бессмысленной тратой времени. Нас всегда учили тому, что домой нельзя возвращаться с пустыми руками. Ты должен был идти до тех пор, пока не нашел бы то, что нужно. И никакие оправдания тут не работали. На Западе первое время меня очень удивляли фразы типа: «У меня голова болит, не могу работать». Мне так и хотелось сказать: «Серьезно?!»

Один из способов увеличить количество рабочих рук в Африке – иметь в семье как можно больше детей. Вот почему у нас так распространено многоженство.

Один из способов увеличить количество рабочих рук в Африке – иметь в семье как можно больше детей. Вот почему у нас так распространено многоженство. Мои родители очень отличались от остальных, потому что много лет жили только вдвоем. Но, родив двенадцатого ребенка, мама попросила отца:

– Я состарилась. Дай мне передышку, я больше не могу. Возьми себе другую жену, а мне дай отдохнуть пока.

Не знаю, всерьез она говорила или нет, но, наверное, она все-таки не ожидала, что отец так быстро исполнит ее просьбу.

Как-то мама осталась с нами одна. Мы сначала решили, что отец, как всегда, ушел за продуктами. Его не было около двух месяцев, и мы решили, что он погиб. Но он вдруг неожиданно вернулся.

– Где мама? – спросил он нас. Мама тогда ушла выгуливать стадо и еще не вернулась домой.

– Ну-ка, я хочу познакомить вас кое с кем. Это моя жена.

Он немного подтолкнул вперед юную девушку, лет семнадцати. Мы помалкивали и внимательно разглядывали ее – говорить нам было не положено.

Страшнее всего было ждать маминого возвращения – мы понятия не имели, как она отреагирует. Было уже темно, и мама не сразу разглядела новую женщину в нашей хижине.

– О, вернулся!

Отец отвел взгляд и произнес:

– Да. И познакомься, это моя новая жена.

И на этих словах он обнял девушку.

Никогда не забуду, как исказилось мамино лицо и сверкнули глаза. Проклятие! Она очень сильно ревновала, но старалась не показывать этого.

Отец ничего не рассказывал нам о новой жене. Но это не мешало ей командовать нами, а потом даже и мамой – сделай то, принеси другое. Нам такое поведение категорически не нравилось, и над ней начали сгущаться тучи. Последней каплей стало то, что она ударила по лицу Старика, моего брата.

Был обычный день, и мы, как всегда, развлекались, лазая по дереву, словно обезьяны (мы искали его у каждой нашей стоянки, оно было для нас чем-то вроде детской). И тут я услышала, что Старик плачет. Я тут же слезла с дерева и попыталась его успокоить:

– Что случилось? Что такое?

– Она меня ударила! Очень сильно ударила.

Что это за «она», было яснее некуда. В нашей семье никто и никогда не обижал Старика, даже отец, который всех периодически поколачивал. Да Старика и не нужно было бить – он был самый умный из нас и всегда поступал только правильно. И тут эта дура его обидела! Просто забыть об этом было невозможно.

– Ты зачем ударила Старика? – воинственно спросила я.

– Он мое молоко выпил, – ответила она в привычном нарочито спокойном и высокомерном тоне.

– Какое еще твое молоко? Это я принесла это молоко, и мой брат может пить его сколько и когда угодно, если ему хочется. И уж тем более ты не можешь его бить за такие вещи!

– А ну прочь отсюда! – она истерически закричала и начала выпроваживать меня.

Я внимательно посмотрела на нее – это была ее роковая ошибка.

Я вернулась под дерево, у которого кучкой столпились братья и сестры, стараясь услышать хоть отрывок из нашего с ней разговора. В их глазах читался молчаливый вопрос. «Завтра!» – ответила на него я.

Удача улыбнулась нам – следующим утром отец уехал на два дня. Днем, вернувшись домой со стадом, я разыскала сестру и двух братьев.

– Эта папина новая жена слишком много о себе думает. Мы должны ее проучить хорошенько, чтобы знала.

– Это очевидно.

– А делать-то что будем? – спросил Али.

– Пойдем, поможем!

Я взяла толстую веревку, которой мы обычно привязываем вещи к спинам верблюдов. Затем мы увели перепуганную жену подальше от хижины, заставили догола раздеться и подвесили ее за лодыжки вверх тормашками на дереве. Голова ее моталась достаточно высоко, чтобы ее не смогли достать дикие звери. Она ругалась, плакала, молила остановиться, но нам было все равно. Крепко закрепив ее на дереве, мы ушли, оставив ее одну.

Следующим вечером вернулся отец и первым делом спросил, как поживает его женушка и где она вообще бродит. Мы лишь пожали плечами. Отец нам не поверил и начал допрашивать: «А когда вы последний раз ее видели?», «А где?».

Мы ответили, что она не ночевала дома – и ведь это была абсолютная правда.

Отец сильно разволновался и бросился повсюду ее искать. Обнаружил он ее только на утро – вид у нее был так себе, ведь она провисела так почти двое суток. Домой отец вернулся очень злым:

– Кто это придумал? Признавайтесь!

Вскоре мама поняла, что ей нечего бояться соперничества с этой малявкой – хоть она и была моложе мамы на двадцать лет, силы, чтобы выдержать жизнь кочевника, у нее не было.

Мы притихли и сидели, украдкой переглядываясь. Она, конечно, рассказала ему, что зачинщицей была я. Отец выждал, а потом начал неистово лупить меня, но тут мне на помощь выбежали все малыши. Драться с отцом – это ни в какие ворота, но и терпеть такое поведение мы тоже не могли.

С той истории папина женушка сильно изменилась. Думаю, что ей было полезно повисеть так два дня, мозги явно стали лучше соображать. Она стала очень ласковой, а перед нашей мамой практически преклонялась и постоянно предлагала свою помощь.

Я смотрела на это и думала, что этой малявке стоило так вести себя с самого начала. Вскоре мама поняла, что ей нечего бояться соперничества с этой малявкой – хоть она и была моложе мамы на двадцать лет, силы, чтобы выдержать жизнь кочевника, у нее не было.

Жизнь кочевника полна не только испытаний, но и радости. Мы живем в тесной связи с природой и всегда очень тонко чувствуем ее. Я названа в честь одного из чудес природы – цветка пустыни. В суровых условиях пустыни растениям сложно выжить, а дождя у нас иногда не бывает по году и больше. Но когда вода наконец обрушивается на изголодавшуюся землю,

повсюду начинают распускаться цветы, сверкая своими желтыми лепестками. Желтый, кстати, мой любимый цвет.

Перед свадьбой девушки женщины из ее племени отправляются в пустыню на поиски этих цветов. Они высушивают лепестки, добавляют немного воду и превращают это в пасту, которую потом наносят на лицо невесты. Ступни и ладони ей разрисовывают хной, а веки красят особой темной краской, приготовленной, конечно, из растений. После невесту наряжают в яркие наряды, чем больше, тем лучше. Чаще всего их не так много, потому что семьи в Сомали живут бедно. Но какой бы нищей ни была семья, для невесты всегда отдадут самое лучшее, чтобы она смогла встретить жениха во всей красе. Мужчины этого явно не заслуживают.

На свадьбу гости обязательно приходят с подарками. У нас не нужно, как на Западе, ломать голову и пытаться купить какой-то невероятно оригинальный или дорогой подарок. Люди приносят то, что есть – циновку, чашку, какое-то блюдо к праздничному столу. На утро у молодоженов начинается полноценная семейная жизнь – никакого медового месяца, сразу тяжелые трудовые будни.

Самый главный праздник для сомалийцев – это дождь. Вода в наших засушливых краях большая редкость, и потому каждый кочевник относится к воде с невероятным трепетом и уважением. Нам нравится даже просто смотреть на то, как она течет.

Часто бывает такое, что засуха длится очень долго. Тогда люди собираются вместе и молят небо послать им дождя, посылая Аллаху молитвы. Однажды мы с нетерпением ждали сезона дождей, но в итоге ничего не произошло – дождя не было. Это было очень тяжелое время – половина скота погибла от жажды, а вторая половина вот-вот готовилась присоединиться к ним. Тогда мама сказала мне готовиться – люди собирались помолиться все вместе, чтобы призвать дождь. Помню, как быстро и откуда ни возьмись собралась огромная толпа и принялась в унисон петь, танцевать и молиться.

Утро одарило нас проливным дождем, и мир вокруг сразу стал веселее. Люди срывали с себя одежду и с наслаждением подставляли тело струйкам дождя, моясь впервые за несколько месяцев. Вокруг стихийно начал собираться праздник – люди пели, танцевали, улыбались, пировали, всем своим видом восхваляя великий дар жизни, который несет вода.

Дождь до неузнаваемости преображает природу. В саванне расцветают золотистые цветы, пастбища покрываются зеленой свежей травой. Теперь есть чем накормить и напоить скот, и мы наконец можем немного расслабиться – например, отправиться к новообразовавшимся озерам и поплавать вдоволь. Воздух чист и свеж, всюду чирикают птицы – пустыня превращается в райский сад.

4

Посвящение в женщины

Наконец пришел черед моей старшей сестре Аман пройти через обряд обрезания. Я, конечно, ей завидовала – она теперь становилась взрослой, а мне до этого было еще так далеко. Аман в ту пору было почти четырнадцать лет – по традициям ее должны были обрезать уже давным-давно. Но из-за наших странствий по пустыне мы никак не могли поймать цыганку, которая бы могла провести этот древний обряд. Когда наконец отцу удалось ее найти, Аман не оказалось в лагере – она ушла в пустыню искать воду. Обряд обрезания прошла только Халемо. Помню, как отца это беспокоило – Аман уже пора было подыскивать мужа, но кому же она будет нужна, если она еще «не запечатана»?

К сожалению, в Сомали с древних времен распространено убеждение о том, что женщины с рождения «нечисты». Между ног у нас находятся не половые органы, а грех, и потому все «лишнее» обязательно нужно вырезать. Клитор, малые половые губы и даже частично большие – все их отрезают, а рану наглухо зашивают, оставляя лишь два отверстия, через которые выходят моча и менструальная кровь. На месте гениталий остается лишь огромный шрам. Ни одна девочка в Сомали не знает подробностей этого страшного ритуала. Нам только говорят: «Когда придет время, с тобой случится нечто очень особенное». Нетерпение, с которым каждая ждет этот особенный момент, можно сравнить с предвкушением подарков от Санта-Клауса на Рождество.

Раньше девушек обрезали, когда они достигали половой зрелости. Странную логику в этом можно проследить: теперь она может иметь своих детей и, значит, пора провести обряд превращения во взрослую. Но со временем обрезание стали проводить все раньше и раньше. Отчасти этот тренд сформировали сами сомалийские девушки – всем не терпится поскорее вступить в мир взрослых.

Аман была моим кумиром, и я подражала ей во всем. Когда за ней пришла цыганка, я, конечно, тоже захотела, чтобы меня обрезали. Накануне я упрашивала маму весь вечер взять меня с собой, но мама только отмахивалась: «Мала еще, помолчи-ка лучше!» Аман моего энтузиазма не разделяла. Помню, как она бурчала: «Ну да, не загнуться бы от этого ритуала, как Халемо». Я тогда еще не понимала, что это все значит, а Аман объяснять мне не стала. На следующий день, еще до рассвета, мама с подругой повели Аман к цыганке, которая проводит обрезание. Я, конечно же, пыталась напроситься с ними, но мама наказала мне оставаться дома с младшими детьми. Меня запреты никогда не останавливали, поэтому, немного пропустив их вперед, я тайком покралась за ними.

Немного погодя пришла цыганка. В Сомали это одни из самых уважаемых и богатых людей – за обрезания приходилось отдавать очень круглую сумму. Однако семьи считали это хорошим инвестированием в будущее дочери – необрезанную девушку невозможно удачно выдать замуж. Целые женские гениталии в нашей стране считаются признаком дурной, падшей женщины, а цыганка, получается, спасает их от этого статуса. Я же считаю эту старуху Живодеркой – от ее рук погибло слишком много девочек.

Я притаилась за деревом и осторожно наблюдала за происходящим. Сестра села на землю, а затем мама и подруга повалили ее на землю и крепко ухватили за плечи. Цыганка принялась копошиться у Аман между ног – и ее лицо исказила страшная гримаса боли.

Бац! Аман сильно лягнула цыганку ногой, вырвалась и побежала прочь – по ногам у нее струилась ярко-алая кровь. Женщины кинулись за ней, догнали и вновь повалили на землю – цыганка продолжила свой ритуал прямо на песке. Я больше не могла наблюдать за этим, в желудке замутило, а в глазах потемнело. «Вот оно какое, превращение в женщину», – думала

я. В силу возраста я не понимала, что конкретно делала эта старуха, но кровь и гримаса Аман дали мне понять, что случилось что-то страшное и неправильное. Особенно пугало то, что когда-то пройти через такой обряд предстоит и мне. Я не могла расспросить маму, а Аман, пока она поправлялась, жила от нас отдельно.

Через пару дней меня отправили отнести ей воды, и я накинулась на нее с вопросами. Она было с энтузиазмом начала делиться со мной, но потом вдруг осеклась – видимо, не хотела меня пугать. Мне в любом случае предстоит эта же процедура, и лучше я буду ждать ее с нетерпением, чем жить в страхе. «Ладно, забудем. Тебе тоже это скоро предстоит, тогда и узнаешь».

Воспоминания о том дне будоражили мое воображение, но в конце концов мне удалось убедить себя, что я все-таки хочу этого – моя мама и сестра прошли через это, значит, смогу и я.

Мы всегда кочевали с семьей близкого папиного друга. Глава семьи – противный дряхлый старикашка – вечно отмахивался от меня и младших сестренки. «Фу, пошли прочь! Грязные девчонки!» – эти слова он не говорил, а выплевывал с презрением, как будто само присутствие нас, необрезанных, причиняло ему физические страдания. Я была влюблена в сына этого старика, Джаму, но он даже не обращал на меня внимания. Его больше интересовала моя сестра. Для себя я решила, что это от того, что сестра обрезанная, а он, как и любой мальчишка, подражает отцу. Тогда я решила положить конец этой несправедливости – мне было пять лет. «Мамочка, пожалуйста, найдите эту цыганку! Я хочу быть как сестры. Когда вы ее позовете?» Мне повезло – через несколько дней я узнала, что старуха сейчас совсем рядом с нашей стоянкой и должна заглянуть к нам со дня на день. Накануне мама велела мне много не пить, чтобы не хотелось в туалет. Я не понимала, в чем здесь может быть проблема, но на всякий случай решила не упрямиться и сделать так, как велят. Я сильно волновалась, но отступать было некуда. Вечером вся семья была очень ласкова со мной, мне даже досталась дополнительная порция ужина. Перед сном мама сказала, что разбудит меня утром, когда будет пора собираться. Не знаю, как она догадалась, что все случится именно утром, но интуиция у мамы была очень хорошая. Она всегда чувствовала приближение человека или какого-то события. За ночь я не сомкнула глаз, волнение прогнало сон прочь.

Целые женские гениталии в нашей стране считаются признаком дурной, падшей женщины, а цыганка, получается, спасает их от этого статуса.

Рано-рано, в предрассветных сумерках, когда небо еще только начинает бледнеть, меня разбудила мама и жестом попросила молча следовать за ней. Сейчас я понимаю, почему девочек уводят на обрезание так рано – чтобы их отчаянные крики не напугали всех кочевников сомалийской пустыни. Мы все дальше уходили от нашей стоянки, продираясь сквозь заросли.

– Давай здесь подождем, – сказала мама, и мы уселись на холодную землю.

На небе занималась заря, издали доносился стук сандалий цыганки. Мама окликнула ее по имени и спросила:

– Это ты?

– Да, пришла вот. Ну-ка, садись вон на тот камень, – обратилась она ко мне. Она даже не поздоровалась, не говоря уж о том, чтобы как-то подбодрить меня: «Дружок, сейчас тебе будет очень больно, но ты справишься». Живодерка словно следовала какому-то строгому регламенту и вся была сосредоточена только на своем деле.

Мама усадила меня на камень, сама примостилась сзади меня, прижала мою голову к своей груди, а ногами широко развела мои ноги. Затем протянула мне кусочек коры и прошептала: «Прикуси покрепче». Вдруг у меня перед глазами всплыло искаженное лицо Аман.

– Мама, мне же будет больно, – в ужасе прошептала я.

– Варис, милая, будь, пожалуйста, умницей. Я здесь совсем одна, ты же знаешь, что я не удержу тебя. Будь храброй ради мамы, все закончится быстро.

Я открыла глаза и посмотрела вниз, где у моих ног копошилась цыганка, готовясь к обряду. Она зловеще на меня поглядывала, а я, в свою очередь, не сводила глаз с нее. Мне обязательно нужно было увидеть, чем она будет меня обрезать – мне представлялось, что она выудит из своего мешка огромный нож. Но нет, меня собирались калечить обломком бритвы с лезвием, на котором запеклась кровь, – цыганка лишь поплевала на него и протерла о край своего платка. За горизонтом появлялись первые лучи солнца, но вокруг все еще стояла тьма, почти ничего не было видно. Через секунду исчезло и это – мама накинула мне на глаза накидку.

И тут боль пронзила меня насквозь – мое тело, мои гениталии резали тупой бритвой. Раз-два, вправо-влево – она пилила меня, словно я была не живым человеком, а куском мяса на рынке. Ни одному писателю, ни одному журналисту не под силу подобрать верные слова, чтобы описать это. Даже сейчас, через столько времени, я не могу поверить, что это было со мной, что люди могли придумать этот страшный обряд.

Я не шевелилась, потому что понимала: даже если я вырвусь и убегу, как Аман, они догонят меня и все начнется заново. И еще я хотела, чтобы мама гордилась мной. В моей голове крутилась только одна мысль: «Не дергайся, и все закончится». А еще я молилась. Видимо, Господь надо мной сжалился, потому что в итоге я потеряла сознание и половины всего не чувствовала. Однако худшее было впереди – цыганке предстояло еще зашить мою зияющую рану. Колючими ветками акации она протыкала мою плоть, а затем продевала в дырочки белую нить. В какой-то момент мне показалось, что во всем мире есть только я и моя боль, но потом я словно покинула тело и наблюдала за всем со стороны: вот я корчусь в руках у моей бедной мамочки, вот цыганка с ветками акации. Это последнее, что я помню из того страшного момента, – наверное, я снова потеряла сознание. Очнулась я уже на земле, в полном одиночестве – ни мамы, ни цыганки рядом уже не было. На ногах до самых бедер у меня была тугая повязка, которая ограничивала мои движения. Я лежала, гадая, что теперь будет дальше, и зацепилась взглядом за свой камень – он насквозь был пропитан кровью. Сверху на нем, поджариваясь на солнце, лежали куски мяса – моего тела.

В какой-то момент мне показалось, что во всем мире есть только я и моя боль, но потом я словно покинула тело и наблюдала за всем со стороны.

Солнце жарило нещадно, вокруг меня не было ни намека на тень. Наконец пришли мама с сестрой – они уложили меня под каким-то кустом и принялись готовить «мое дерево». Это местная традиция: девочкам после операции сооружают небольшую хижину, где они в полном одиночестве восстанавливаются пару недель. В хижине я почувствовала небольшое успокоение, ведь все самое страшное осталось позади. Я поняла, что ошиблась, когда захотела пописать. В предостережении мамы не увлекаться водой и молоком накануне был смысл. Чтобы сходить в туалет, нужно выйти из хижины, а тогда я могу порвать шов, и все придется переживать заново. Этого мне точно не хотелось, поэтому терпела я до последнего. Когда стало совсем невмоготу, я подозвала сестру: «Аман! Мне очень хочется пи-пи, что делать?» По тому, как изменилось ее выражение лица, стало ясно, что ничем хорошим мне это не светит. Она перевернула меня на бок и вырыла небольшую ямку: «Давай!»

Первая капля обожгла кожу, словно кислота. Цыганка зашила меня так, что осталась единственная щелочка, через которую могли выйти моча и менструальная кровь, – не больше головки спички. Это гарантировало мою чистоту и невинность до брака. Моча медленно стекала по кровавой ране в песок, выжигая, как мне казалось, то последнее, что подтверждало мою принадлежность к женскому полу. Я расплакалась. Вечером мама и сестра вернулись домой, а мне предстояла ночевка в одиночестве. Мне не было страшно, хоть я и лежала абсолютно беспомощная со связанными ногами – словно бревно какое-то. Все равно, забрел бы ко мне лев

или приползла змея – смерть не имела для меня сейчас никакого значения. Жить, умереть – какая разница?

Сейчас я понимаю, что уже тогда знала многое о женской жизни в Африке: живи тихо и не скули.

В мою рану занесли инфекцию, и много дней я боролась с сильным жаром, то и дело впадая в беспамятство. Мочиться стало еще больнее, и я старалась делать это как можно реже, терпеть до последнего. Когда рядом никого не было, я кое-как переворачивалась на бок и задерживала дыхание, готовясь к обжигающей боли. Как-то раз рана воспалилась настолько сильно, что я вообще не могла ходить в туалет. Я все время была практически одна – мама изредка навещала меня, чтобы проверить рану или принести еды. Ходить мне по-прежнему не разрешили, поэтому я лежала как бревно и изнывала от скуки.

Заняться было нечем, поэтому я много думала и пыталась понять, кто и зачем придумал так издеваться над человеком. Единственное, что я понимала: с согласия мамы меня покалечили, а кому это нужно? Когда меня наконец забрали домой, отец спросил: «Ну что, как ты теперь?»

Наверное, он хотел узнать, как мне чувствовать себя взрослой женщиной. Мне было лет пять, что я могла ему ответить? Сейчас я понимаю, что уже тогда знала многое о женской жизни в Африке: живи тихо и не скули.

Бегать и прыгать мне не разрешали, я ходила со связанными ногами, неуверенно переступая с одной на другую. Это только прибавляло мне страданий, ведь я была очень непоседливым ребенком и так хотелось присоединиться к младшим братикам и сестрам! Когда мне наконец сняли повязки, я смогла рассмотреть, как выглядят «взрослые» женщины. Внизу у меня была гладкая полоска кожи, которую словно запечатал огромный шов-молния. Мои половые органы были надежно припрятаны для первой брачной ночи с мужем. Все время, пока я мучилась в хижине, мне не давала покоя одна мысль: я хотела вернуться к камню и посмотреть, осталось ли там хоть что-то от моих гениталий. Но там, конечно, уже давно похозяйничали грифы или гиены – свидетели суровой жизни пустыни.

На самом деле моя история с обращением прошла успешно, я довольно легко отделалась – не всем везет так же. Когда ты блуждаешь по пустыне, то всегда пересекаешься с одними и теми же семьями и, естественно, знаком со всеми детьми. Иногда встретишься снова, а твоей подружки там больше нет. Куда они пропадали, никто не говорил – о них вообще мало говорили. Эти пропавшие девочки становились жертвами обрезания – умирали от болевого шока, кровотечения, заразы. Удивительно, что сомалийцы вовсе не переродились. Я совсем не помню свою старшую сестру Халеми – мне было около трех, когда она внезапно «пропала». Позднее я узнала, что она истекла кровью во время обряда. Мою двоюродную сестру обрезали в шесть – ее брат уже после рассказал нам, как все прошло. Что-то пошло не так, ее «штука», как выражался брат, распухла, посинела и источала ужасный запах. Я тогда ему не поверила – у меня и Аман все прошло не так ужасно. Потом уже я поняла, что у сестры была гангрена: операцию проводят на голой земле, видимо, в рану попала инфекция. Однажды утром сестру нашли мертвой в хижине – хоронить пришлось в спешке, чтобы падальщики не успели добраться до этой страшной улики.

5

Брачный договор

Как-то раз меня разбудил шум голосов. Около хижины никого не оказалось, поэтому я отправилась на разведку. Пробежав чуть меньше километра, я наконец увидела маму и отца, машущих вслед какой-то группе людей. Среди них была девушка, с головой укутанная в накидку.

– Мама, а это кто?

– Это твоя подруга Шукрин.

– А что, их семья покидает наши края?

– Нет, просто Шукрин выходит замуж, – спокойно ответила мама.

Мне в ту пору было около тринадцати, Шукрин была меня старше всего на год или полтора – неужели ей уже пора замуж?

– Кто ее муж? – Мой вопрос проигнорировали – не моего ума дела такое знать.

– За кого ее выдают? – не отставала я. Получается, она уедет насовсем. Неужели я больше не увижу подругу?

– Ну уж об этом не волнуйся. Скоро и твоя очередь придет, – буркнул отец. Родители развернулись и пошли в сторону хижины, а я смотрела вдаль ушедшему каравану и пыталась переварить новости. Шукрин выходит замуж! Я не в первый раз слышала это слово, но всерьез задумалась о том, что это такое, только сейчас. В детстве я никогда не мечтала о свадьбе или муже, как делают многие девочки на Западе. Ни о каком половом воспитании, конечно, и речи быть не могло. В нашей семье, как, впрочем, и во всем Сомали, такие темы были под запретом. Я никогда даже не думала о мальчиках в каком-то романтическом ключе – они были моими соперниками. Мы соревновались, кто быстрее пробежит, или кто устоит в драке, или кто быстрее найдет воду для скота. Единственный урок полового воспитания в Сомали звучал так: «Ты должна выйти замуж девственницей». Девочки знали, что им нельзя ни с кем «путаться» до свадьбы и что муж у них будет один и на всю жизнь. Папа очень часто называл нас своими принцессами и страшно гордился, что его дочери были самыми красивыми девушками в округе.

– Никому не удастся испортить моих принцесс. А если кто-то осмелится, то вы только пальцем покажите... Этому человеку не поздоровится! Если нужно, я и умереть готов, защищая вас.

И ему приходилось не раз это доказывать. Как-то к Аман, пока она пасла скотину, пристал какой-то незнакомец. Как бы она его ни отшивала, он не сдавался. В итоге, когда он понял, что «по-хорошему» не получится, он попытался взять ее силой. Это стало его роковой ошибкой – Аман была очень рослая и сильная, настоящая амазонка. Без труда она скинула его с себя и поколотила. А после ему хорошенько досталось и от нашего отца. Был еще один случай. Как-то ночью меня разбудил крик моей сестры, Фаузии, – она спала чуть поодаль от нас, с краю. Приглядевшись, я увидела фигуру мужчины, стремительно убежавшего от нашей стоянки. Фаузия пронзительно кричала – на ее бедрах осталось липкое семя этого извращенца. За ним тут же бросился отец, однако догнать не успел. Утром около спального места сестры мы увидели отпечаток подошвы ночного гостя – отцу он показался знакомым. Через какое-то время настала засуха, и отец отправился за водой к колодцу.

В Сомали колодцы – это просто открытые ямы, очень глубокие, порой метров тридцать. За водой (в засуху она была скорее похожа на мутную жижу) спускались с ведром на самое дно. Вдруг подошел какой-то мужчина и довольно агрессивно стал поторапливать отца, на что тот ему предложил спуститься в колодец и заниматься своими делами.

– Так и сделаю!

Мужчина тут же спустился в колодец со своими бурдюками и начал наполнять их водой. Тут-то отец и заметил следы его сандалий, отпечатавшихся в вязкой грязи.

Единственный урок полового воспитания в Сомали звучал так: «Ты должна выйти замуж девственницей».

– Так это ты, извращенец! – закричал отец, схватив мужчину за плечи. – Это ты, урод, приставал к моей дочери!

Отец ударил его, а затем снова и снова – он избивал его словно тот был паршивым бродячим псом. Но тот вдруг вытащил из кармана огромный нож – африканский охотничий нож – и пырнул моего отца раза три или четыре, прежде чем тот сумел вывернуть негодяю руку и пырнуть его этим же ножом. Отец тогда еле выбрался из колодца и вернулся домой чуть живой – хворал долго, но все-таки поправился. Тогда-то я и поняла, сколько смысла и правды было в его обещаниях умереть за нашу честь.

– Вы, принцессы, мои сокровища, и храню я вас под самым крепким замком, – так началась одна из любимых шуток отца. – И ключ – у меня!

– Папочка, а где ты хранишь этот ключ?

– Я его выбросил, – отвечал отец, заливаясь сумасшедшим смехом.

– А как же мы тогда выберемся? – вскрикивала я, и волна смеха захлестывала все семейство.

– Только когда папа скажет, что пора, моя принцесса.

Эта шутка раз за разом разыгрывалась с каждой дочерью, от самой старшей до младшей, – и на самом деле это было все взаправду. Никто из мужчин не имел права приближаться к нам без отцовского позволения. В этом было больше дальновидности, чем заботы: в Африке особенно ценили девственниц (отчасти процедура обрезания проводилась для того, чтобы девушка гарантированно сохранила свою чистоту до свадьбы). За девственницу-красавицу отцу удалось бы получить солидный выкуп. Впрочем, все это я поняла уже после бегства из дома – там я впервые задумалась о браке только после новости о Шукрин.

Прошло около двух дней. В один из вечеров отец по возвращении домой сразу начал звать меня:

– Варис! Ты где?

– Папа, я здесь!

– Поди ко мне! – Голос папы был очень ласковым, из чего я сделала вывод, что что-то намечается. Наверное, он хочет попросить меня присмотреть за скотиной завтра или отправиться на поиски воды. Я не двигалась с места, пытаясь догадаться, что же такого хочет от меня отец.

– Ну же, подойди ко мне! Варис, иди сюда.

Я сделала пару неуверенных шагов и подошла. Отец ничего не сказал, даже, наоборот, усадил меня на коленки.

– Варис, знаешь... какая же ты все-таки славная!

«Ну все, – подумала я. – Точно что-то не так».

– Ты такая славная, почти как мальчик, как сын.

В устах моего отца сравнение с сыном было самой высокой похвалой.

– Да, ты всегда мне была словно сын, ты так славно работаешь, за скотиной хорошо ходишь. Я хочу, чтобы ты знала: я буду сильно по тебе скучать.

В моей голове мелькнула мысль: «Наверное, папа переживает, что я убегу из дома, как Аман, когда ее попытались выдать замуж. Я убегу, и вся работа ляжет только на их с мамой плечи». Меня захлестнула волна нежности, и в порыве я крепко обняла отца:

– Ну что ты, папочка, я никуда от вас не уйду!

Он отстранился, внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Нет, милая, обязательно уйдешь.
– Но куда я пойду? Я не могу бросить вас с мамой!
– Варис, уйдешь, уйдешь. Я подыскал тебе отличного мужа.
– Нет, нет! – Я оттолкнула отца и прыгнула с колен. – Не пойду я никуда, я не хочу никуда уходить, прошу!

– Ну-ну, успокойся. Все будет отлично, я нашел тебе очень хорошего мужа.
Слезы застилали мне глаза. Я накинулась на отца своими маленькими кулачками и кричала:

– Нет, нет! Я не хочу замуж!
– Хорошо, Варис, давай так поступим. – Отец подобрал с земли камешек, спрятал руки за спину и начал быстро тасовать его по ладоням. Затем вытянул вперед два сжатых кулака: – Выбирай, в какой руке камешек? Если угадаешь, поступишь, как я скажу, и будешь счастлива всю жизнь. А если нет, то и жизнь твоя будет такой же пустой, потому что тебя изгонят из семьи.

Я выбрала левую руку – ладонь была пуста.
– Похоже, мне необязательно делать то, что ты велишь, – грустно прошептала я.
– Можем еще раз сыграть.
– Нет! Нет, папа, замуж я ни за что не пойду.
– Да что ты заладила? Он же хороший человек, можешь мне верить. Разве я бы выбрал для своей принцессы плохого мужа? Ты должна положиться на мое решение и делать, как тебе велят!

На все его уговоры у меня был только один ответ: нет. Поникшая, я стояла перед ним и качала головой из стороны в сторону. В какой-то момент отцу надоела эта сцена: он со злобью отбросил камешек в сторону и прокричал:

– Что ж, значит, в жизни тебя ждут одни только несчастья!
– Но, папа, это ведь мне придется жить так, а не тебе.

Я окончательно его довела, и он, не сдержавшись, ударил меня по лицу. Никто не имел права спорить с отцом. Сейчас я понимаю, что отец не мог больше медлить – я должна была выйти замуж побыстрее, пока весть о моем дурном характере не разнеслась по всему Сомали. В округе все знали, что я бунтовщица, дерзкий и бесстрашный ребенок. В Африке такая жена никому не нужна.

В округе все знали, что я бунтовщица, дерзкий и бесстрашный ребенок.
В Африке такая жена никому не нужна.

Следующее утро началось как обычно: я проснулась и отправилась пасти стадо. Наблюдая за своими козочками и овечками, я размышляла, что значит быть замужней. Мне было интересно, кого же подыскал мне отец. До этого момента у меня была короткая детская влюбленность в Джама, сына папиного друга. Джама был сильно меня старше и, на мой взгляд, очень красивым. Мой отец любил его как родного и считал его достойным своего отца. Но, скорее всего, главной причиной, почему меня тянуло к Джама, было то, что он был без ума от моей старшей сестры Аман. Меня же он игнорировал и считал маленькой девчонкой. Его чувства были не взаимны: Аман была сыта по горло кочевой жизнью и связываться с кочевником, пусть даже и красивым, не хотела. Ее мечтой было попасть в город и найти мужа там – богатого мужа, чтобы не пришлось возвращаться к опостылевшей жизни в пустыне. Она сбежала, когда отец попытался выдать ее замуж за кочевника, и больше мы про нее ничего не слышали.

Весь тот день я представляла, что моим мужем будет Джама – как мы ужинаем вечером у костра или с рассветом уходим в пустыню, – и убеждала себя, что замужество не так уж плохо. Солнце уже клонилось к закату, когда я вернулась со стадом к нашему лагерю. Меня встретила взволнованная младшая сестренка:

– У папы гость какой-то, тебя ждут, кажется!

Внутри меня все сжалось – отец все-таки запустил свой план.

– Где они сейчас?

Сестра ткнула пальцем в одну сторону, и я поспешила прочь в совсем противоположную.

– Подожди, ты куда? Они же тебя ждут, Варис!

– Ой, молчи лучше! Уйди отсюда!

Я завела козочек в загон и принялась за дойку. Вскоре я услышала голос отца, разыскивавшего меня.

– Да-да, папочка, слышу! Сейчас приду.

На дрожащих ногах я встала и направилась к палатке – оттягивать дальше неизбежное смысла не было. Где-то в глубине души во мне жила надежда, что отец хочет выдать меня за Джаму – с ним хотя бы будет не так обидно покидать семью и становиться женой. «Пожалуйста, пусть это будет Джама, пусть это будет Джама, пусть...» – всю дорогу я повторяла это, словно заклинание.

Надо мной было багряное плавящееся небо, на фоне которого танцевали тени двух мужчин.

– А, вот и ты, – сказал отец, подзывая меня рукой. – Познакомься, это господин...

Но я не слышала, что говорил отец. Я не сводила глаз с мужчины, который сидел рядом с отцом, опираясь на посох. Его длиннющая седая борода открыто заявляла о его возрасте – ему было не меньше шестидесяти, совсем старик.

– Варис! Поздоровайся же с господином Галулом!

– Здравствуй, – четко и холодно ответила я. Я не могла быть грубой с ним, поскольку он наш гость, но любезничать и улыбаться этому старику я не собиралась. Он ничего мне не ответил, лишь сидел, улыбаясь мне своим старческим ртом. Готова поспорить, что он не понимал, как вести себя с девочкой, которую ему прочат в жены и в глазах которой читается ужас. Я притупила взгляд, чтобы скрыть свой страх и злость.

– Варис, ну что же ты такая робкая!

Я подняла глаза, и отец все понял. От греха подальше он решил отослать меня, а то вдруг спугну такого выгодного жениха!

– Ну, ладно, ступай. Возвращайся к своей работе, мы тебя отвлекли.

Повернувшись к господину Галулу, он объяснил: «Она очень тихая, даже застенчивая». Весь оставшийся вечер я провела, размышляя, какой будет моя жизнь с господином Галулом. Я всегда жила с родителями и не имела ни малейшего представления, как устроить жизнь с незнакомцем. Слава Аллаху, что тогда я не знала об интимной стороне замужества!

Я подняла глаза, и отец все понял. От греха подальше он решил отослать меня, а то вдруг спугну такого выгодного жениха!

Следующим утром у меня состоялся разговор с отцом:

– Ты понимаешь, кто был вчера у нас в гостях?

– Думаю, да.

– Это твой будущий муж, Варис.

– Папа, но он же старик!

Я никак не могла поверить, что отец правда желает мне такого будущего.

– Милая, так это же самый лучший вариант! Он не будет засматриваться на других женщин и гулять, да и ты будешь его единственной женой. Он не предаст и не бросит тебя и будет очень заботлив. А еще... – Лицо отца озарила гордая улыбка. – Знаешь, сколько он готов за тебя дать?

– Сколько же?

– Пять верблюдов. ПЯТЬ! Я так горжусь тобой.

Отвернувшись от отца, я смотрела, как рассветные лучи играют по пустыне. Наслаждаясь моментом, я прикрыла глаза и ощутила их приятное тепло на моей коже. Мыслями я вернулась к прошедшей ночи, за которую так и не сомкнула глаз. Той ночью я приняла твердое решение. Отец ни за что не послушает меня: даже если чудом мне удастся расстроить этот брак, отец найдет еще мужчину, а потом еще, пока не добьется своего.

– Ладно, папочка. Я пойду, скотиной пора заняться.

На лице отца читались самодовольство и радость – ха, а это было не так уж и сложно! Тот день я провела в раздумьях – мое воображение рисовало картинки нерадостного будущего. Вот я живу в глуши со стариком, и вся работа вывалена на мои плечи, потому что он уже слишком стар, чтобы помогать мне. Вот я осталась одна после его смерти от сердечного приступа. Или я одна поднимаю четырех детей – вдовы в Сомали не могут повторно выйти замуж. Нет, такая жизнь точно не для меня!

Вечером у меня был разговор с мамой:

– Милая, почему ты такая поникшая?

– Ты видела вчера того человека? – с молниями в глазах спросила я.

– Да, на днях видела.

– Мама! – В отчаянии я прильнула к ней и зашептала, чтобы отец не услышал: – Мама, я не хочу за него замуж!

– Милая, что же я могу поделать? – пожала плечами мама. – Отец так решил.

Я понимала, что уже на днях этот господин может вернуться к нам со своими верблюдами. Нужно было бежать как можно скорее. Той ночью я долго прислушивалась к храпу отца и знакомым звукам родного дома. Мама еще сидела у костра, и я подошла к ней.

– Мамочка, – тихо-тихо зашептала я, – я решила бежать. Я не буду жить с этим стариком!

– Ш-ш-ш, потише! Детка, куда же ты пойдешь?

– К твоей сестре в Могадишо.

– Милая, даже я не знаю, как ее найти.

– У меня получится, не волнуйся за меня.

– Как же ты сейчас пойдешь? Уже очень темно...

– Нет, – я продолжала шептать, – я уйду утром, до рассвета. Мама, разбуди меня до первых лучей солнца.

Сама проснуться я не могла, у нас же не было будильников! И не спать всю ночь тоже не могла – мне предстоял долгий путь, и пара-тройка часов сна были бы не лишними.

– Нет, Варис, – покачала головой мама. – Я не могу дать тебе убежать, это очень опасно.

– Мама, ну прошу тебя! Пожалуйста, помоги мне! Ты же видела его – как я могу уехать с ним и быть ему женой? Я устроюсь и обязательно вернусь за тобой, ты же знаешь!

– Все, Варис, ложись спать! – Мама одарила меня одним из тех взглядов, которые говорят, что тема исчерпана, и отвернулась обратно к костру. Я ушла и устроилась спать среди братьев и сестер, стараясь согреться. Из сна меня выдернула мамина рука, похлопывающая меня по плечу. Мама стояла возле меня на коленках.

– Все, пора!

Я встрепелась и тут же забыла про сон – осторожно освободилась из объятий и сплетений ног и присмотрелась к отцу. Тот мирно спал на своем обычном месте и, как всегда, слегка похрапывал. Я последний раз посмотрела на свою семью и вместе с мамой зашагала прочь от хижины.

– Мамочка, спасибо!

В предрассветной темноте я старалась запомнить ее лицо, сетку морщинок и ласковые глаза – маму я увижу вновь не скоро. Мне хотелось быть сильной, но вместо этого я захлебнулась слезами и крепко-крепко прижалась к матери.

– Иди же, иди, пока он не проснулся, – ласково прошептала она мне на ухо.

Я почувствовала, как ее руки крепко обнимают меня.

– Все будет хорошо, ни о чем не беспокойся. Только будь очень осторожна. Осторожна! – Она разжала руки. – И еще, Варис, еще одно... Пожалуйста, не забывай меня!

– Ни за что, мама...

Я отвернулась от нее и бросилась в темноту.

6

Дорога

В компании этого вежливого мужчины я проехала совсем немного – буквально через несколько километров он притормозил и высадил меня у обочины:

– Извини, но дальше не могу, мне в другую сторону.

Я очень расстроилась – впервые за долгое время мне удалось найти кого-то, кто не хотел меня съесть, побить или изнасиловать.

– Счастливого пути! – крикнул он и помахал из приоткрытого окна, удаляясь за поворотом.

Я вяло помахала ему и задумалась, как быть дальше: получится у меня вообще добраться до Могадишо? В тот день мне удалось поймать еще пару автомобилей, но в основном я шла пешком. Уже на закате я поравнялась с одним большим грузовиком и в нерешительности остановилась – меня захлестнули воспоминания недавнего прошлого. Понимая, что это, возможно, мой последний шанс на сегодня, я направилась к кабинке.

– Тебе куда нужно? Я еду в Галькайо.

Галькайо! Я и не знала, что уже почти добралась до этого города. Здесь же живет мой богатый дядюшка Ахмед. Зачем бродить по всему Сомали, разыскивая Могадишо, когда можно остановиться у него? За ним как раз числится должок.

– Вот так совпадение, и я туда еду! – Я улыбнулась, предвкушая теплую постель и сытный ужин в доме дяди. У меня нехило разыгрался аппетит – грузовик перевозил зерно, рис и сахар.

Моему шоферу было около сорока, и он был тот еще любитель позаигрывать. Он постоянно пытался разговорить меня, а я старалась казаться одновременно вежливой и отстраненной. Не хватало только, чтобы он подумал, будто я поощряю его. И вдруг он меня спрашивает:

– Ты же бежишь из дома, верно?

– Что? С чего ты так подумал? – Я старалась казаться максимально удивленной.

– Да по тебе видно. Да, ты точно бежишь. Я тебя верну родителям.

– Что? Нет, прошу тебя! У меня правда есть дело в Галькайо... Я еду к дяде, повидаться, он меня ждет.

Шофер ни капли не поверил мне, однако ничего делать или говорить больше не стал. У меня же просто голова шла кругом – я понятия не имела, где попросить высадить меня. Я теперь должна разыграть уверенность – как я могу ехать к дяде, не зная, где он живет? Город был намного крупнее поселка, который я встретила до этого, – много домов, людей, автомобилей. Ох, ну и затеяла я!

Я разрывалась между чувством страха перед этим незнакомым городом и шофером, который может в любой момент сдать меня как беглянку. Когда я увидела огромный рынок под открытым небом, я решилась.

– Все, спасибо! Я вот здесь выйду, тут до дома дяди рукой подать, – сказала я, одновременно выпрыгивая из кабины. – Спасибо большое за помощь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.